

Приложение к журналу «Родина»

ИСТОЧНИК

ДОКУМЕНТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

2002`6

Перечень публикаций
в журнале «Источник»
за 1993–2002 гг.

«Вы посылаетесь в страну, которую мы мало знаем»

Разведывательная «программа» русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского

Одним из лучших отечественных знатоков Востока являлся замечательный дипломат и исследователь Николай Федорович Петровский (1837–1908)¹. Судьба этого самобытного русского человека сложилась неординарно. Выпускник 2-го Московского кадетского корпуса, молодой штабс-капитан Петровский, побывав под арестом по обвинению «в противозаконных сношениях» с революционной эмиграцией, 9 апреля 1861 г. вышел в отставку «по домашним обстоятельствам»². Ему теперь пришлось выстраивать новую, гражданскую линию своей жизни: с середины 1860-х гг. служба в Государственном контроле, затем в 1870–1882 гг. он был чиновником «по особым поручениям» Министерства финансов. Как представитель последнего ведомства — в течение ряда лет его «торговый агент» в Туркестане, — Николай Федорович проделал значительнейшую работу по исследованию состояния и анализу перспектив развития хозяйства собственно русских владений в крае и зависимых от монархии Романовых его территорий, в первую очередь вассальной Бухары³. В 1882 г. Петровский был переведен в Министерство иностранных дел, назначен консулом в Кашгар, важнейший центр Китайского Туркестана (совр. Синьцзян), и занимал этот ответственный пост более двадцати лет.

По общему мнению русских современников, кашгарский этап деятельности Николая Федоровича был для России «лучшим периодом нашего представительства в этом далеком углу Средней Азии». Прекрасно владея живыми европейскими и турецкими языками, русский консул стал выдающимся знатоком прошлого и настоящего Кашгарии. Он первым в мировой науке приступил к сис-

тематическому собиранию древностей и обследованию памятников старины в этой части Центральной Азии. Обширные пожертвования Петровского (рукописи, произведения материальной культуры и др.) являются сейчас украшением коллекций Государственного Эрмитажа и Санкт-Петербургского Института востоковедения РАН. «Наш просвещенный консул» (так называли Николая Федоровича в среде русских ученых-востоковедов) тонко и умело воздействовал на современную ему, крайне непростую политическую ситуацию в Кашгарии, упорно и последовательно противостоял всем попыткам Англии усилить здесь британское влияние. К началу XX столетия, достигнув чина действительного статского советника, то есть штатского генерала, уже не-

Н. Ф. Петровский.

молодой российский дипломат сохранил «гибкий ум, богатую русскую сметку; знания его были поразительны, понимание вещей — широкое...»⁴. Недолгобливавшие по весьма понятным причинам этого для них «неудобного русского человека» англичане в своем кругу уважительно называли Николая Федоровича «кашгарским падишахом». Выйдя по болезни окончательно в отставку, Петровский последние годы своей жизни провел в Ташкенте, где и скончался в 1908 г.⁵

Наше внимание привлёк подготовленный Николаем Федоровичем интереснейший документ, который открывает еще одну, ранее неизвестную, но, на наш взгляд, вполне закономерную сторону его трудов по защите позиций России на Востоке. Это проект «Программы» (наставление и вопросник), которая была предназначена для лучшей организации русской разведкой сети «закордонной» агентуры, вербуемой среди коренных обитателей Средней

Азии. В данной работе Петровского, по нашему мнению, особенно ярко проявились присущая ему глубина осмысления стратегических и тактических задач русской политики в этой части Старого Света, высокое умение четко и ясно сформулировать цели последовательного и систематического сбора самой разнообразной информации, необходимой, с его точки зрения, для обеспечения национально-государственных интересов России. Анализ текста «Программы» характеризует Николая Федоровича как блестящего знатока азиатских реалий, обычаяв, быта и нравов, тонкого психолога, стремившегося помочь резидентам русской разведки выстроить эффективную систему доверительных отношений с весьма пестрым по составу и уровню образованности местным агентурным контингентом.

Точная дата создания Петровским данного проекта нам пока неизвестна. Мы лишь знаем, что он был отправлен Азиатским департаментом МИДа⁶ «на заключение» в Ташкент, в мае — июне 1887 г. рассматривался там в штабе Туркестанского военного округа, где «Программа» была признана «весьма целесообразной» и в основном одобрена. Тогда же, видимо, была исполнена ее заверенная рукописная копия, которая сейчас хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в фонде 1396 «Штаб Туркестанского военного округа». Наша публикация подготовлена именно по последнему тексту, в нескольких местах произведены лишь чисто технические, не меняющие сути содержания документа сокращения, материал снабжен необходимым комментарием.

* * *

Секретно
Копия

Программа наставления и вопросов среднеазиатским туземным разведчикам, посылаемым для собирания политических и других сведений⁷.

Наставление (примерное)

Вы, такой-то, посылаетесь в такую-то страну, которую мы мало знаем, для собирания о ней сведений. Для того, чтобы вам легче было собрать сведения, составлены вопросы, на которые вы, по своем возвращении, должны дать ответы. Постарайтесь хорошо понять эти вопросы и запомнить их, здесь же, на месте, чтобы не осталось ничего неясным. Вы будете собирать по этим вопросам сведения от разных лиц, больших и малых, богатых и бедных, умных и несмышленных. Не будет, поэтому, вашей вины, если на некоторые вопросы ответы будут разные.

Передайте их только так, как вы их сами слышали, не прибавляя ничего от себя. Если на какие-либо вопросы нельзя будет ответить, то лучше не отвечать, сказав, что ответа нет, чем выдумывать неправду. За это на вас сердиться не будут.

Вы отправитесь по такой-то дороге, через такие-то города и места. Поезжайте не скоро, не тихо, а так, по тем переходам, как ходят караваны и ездят все путники. Старайтесь хорошо запомнить названия переходов и самую дорогу, по которой поедите, т. е. города, селения, реки, перевалы, которые вы на ней встретите. Все это нам нужно знать, чтобы исправлять и составлять карты всяких земель⁸.

По приезде в страну, куда вы посылаетесь, вы назоветесь, как вам будет удобнее: или торговым прикащиком, приехавшим ознакомиться с базаром⁹, или лицом, разыскивающим своих родственников и должников, или богомольцем, идущим на поклонение к каким-нибудь святым местам... А если вы умеете рассказывать святые легенды, или узнавать судьбу людей по гаданиям, или отчитывать от дурного глаза и молитвами изгонять [злых. — Д. А.] духов, или лечить какие-нибудь болезни людей и животных, то такое занятие будет для собирания сведений самое лучшее: вы будете иметь возможность узнавать много людей и часто с ними беседовать о том, что вам поручено узнать. Не скрывайте, однако, что вы русскоподданный. Если вы назоветесь подданным другой какой-нибудь страны, то такая ненужная ложь, если вас кто-нибудь узнает, испортит все дело и может подвергнуть вас опасности.

Не спешите собирать сведения тотчас же после вашего приезда в страну. Сначала осмотритесь, заведите знакомства. Все что можно видеть самому — смотрите сами, а не полагайтесь на рассказы других. Расспрашивайте не спеша, не все вдруг, о чем сказано в вопросах, а понемногу, при каждом удобном случае: у купца про товары, у служилого человека про порядки. Каждый ответ на ваш вопрос и каждый рассказ, который услышите, хорошо обдумайте, чтобы не было ничего для вас неясного или непонятного. Если вы грамотный и сведения можете записывать, но так, чтобы в случае, если у вас их отнимут, никто другой не мог бы их разобрать. Вам нужно поэтому записывать то, что вы узнаете... одним каким-нибудь словом, цифрою, значком, которые только

бы вы слышали, узнали и видели. Прослушав все вопросы, вы поймете, что ничего тайного вам узнавать не поручают: обо всем, что сказано в вопросах, можно было спрашивать открыто, если бы народ той страны, где вы будете, был народ образованный; вы едете секретно и должны скрывать цель вашей поездки только потому, что народ этот не знает русских и не может понять, зачем нам нужны такие сведения, а потому всякого человека, желающего что-нибудь узнать о стране не для чего-нибудь другого, а часто для ее же пользы, считает своим врагом.

Вопросы.

1) Как называется страна, куда вы были посланы. 2) Какой народ в ней живет, оседлый или кочевой. Если и тот и другой, то какого больше. 3) Одного ли племени, или разных; какие племена; каких больше, каких меньше. 4) Какой веры жители; все ли одной веры или разных; какой веры жителей больше. 5) На каком языке говорят жители; если на разных, то на каких, и какой язык у них общий. 6) Разделяется ли страна на округа; если разделяется, то сколько их. Как [они] называются, кто ими управляет. 7) Не подчинены ли этой стране какие-либо местности с своими особыми владениями. 8) Если такие местности есть, то как они называются и кто в них правит. 9) Как называется главный город, в котором живет владетель страны. 10) Какие есть другие большие города. 11) Сколько примерно в стране городов, селений и жителей (больше или меньше и насколько, например, Ферганы¹⁰ или Кашгара. Это сравнение смотря потому, откуда сам разведчик). 12) Платят ли жители что-нибудь своему владетелю, или он имеет свои собственные земли и какие-нибудь особенные доходы, например, от рудных копий, от пошлины с привозимых товаров. 13) Если платят, то чем: деньгами, или продуктами, или службой в войсках, или всем вместе. 14) Сколько платят и как: поголовно, посемейно, поденно. 15) Тяжелы ли для жителей подати или нет, если тяжелы, то почему. 16) Сколько примерно в стране собирается дохода. 17) Чем занимаются жители — оседлые и кочевые. 18) Не существует ли у них каких других промыслов, кроме земледелия. 19) Если в стране есть какие-либо руды, то в каких местах они находятся, принадлежат ли они владетелям или самим жителям. Платят ли жители что-нибудь в казну за право их разработки и, если платят, то сколько. 20) Торгуют ли жители только между собою туземными продуктами или с другими, и какими именно странами. 21) Какие товары туда посылают и что оттуда получают. 22) Всеми ли товарами позволено торговать и, если не всеми, то какими товарами запрещено торговать. 23) Какие товары особенно нужны жителям: например, нужны ли ситцы¹¹, железо, мелочь¹² и какая. 24) Есть ли в стране русские товары, если есть, то какие. Надо все их назвать. 25) Дорого ли они продаются против цен, например, в Фергане или Кашгаре (смотря потому, откуда будет разведчик). 26) Каких стран торговцы привозят русские товары и много ли этих товаров на базарах. 27) Есть ли товары английские, если есть, то какие. Надо все их назвать. 28) Дороже или дешевле они продаются против товаров русских. Надо узнать, сколько стоит каждый товар, например, ситцы, сукно, мелочь. 29) Каких стран торговцы привозят английские товары и много ли этих товаров на базарах. 30) Берут ли в стране пошлину за привозимые товары. Если берут, то одинаково ли за все товары или нет, и в каких случаях сколько за каждый товар. 31) В каких местах и сколько раз берут пошлину за привозимые товары. 32) Есть ли в стране рабы — мужчины и женщины. Если есть, то какие: захваченные ли во время войны или покупаемые. 33) Если рабы покупаются, то откуда их привозят, почему продают мужчину, женщину, ребенка и много ли рабов-мужчин в стране. 34) Какие деньги ходят в стране. Если денег нет, то что вместо них употребляется. 35) Не живут ли в стране англичане. Как их имена. Кто они такие: торговцы, священники¹³ или другие какие люди. 36) Какие владения окружают страну. Какие лежат от нее на полдень, на полночь, на восход и заход солнца¹⁴. 37) По каким дорогам в эти владения возят товары, ездят и ходят люди, через какие города, селения, кочевки, места. Надо узнать названия всех переходов, на каждом пути, а если запомнить все названия трудно, то не забыть число переходов на каждой дороге от того города, где начинается дорога, до того, в который она ведет. Свои переходы разведчик, для памяти, может обозначать узелками на шнурке штанов. 38) Каким образом на каждой из этих дорог возят товары и ездят люди: на арбах, лошадях, мулах, ослах. Сколько пудов¹⁵ товара навьючивают. 39) Как ходят возчики: от какого до какого места нанимаются везти товары, если по дороге сдают вьюки¹⁶ другим возчикам, то где именно. Сколько берут провозной платы от разных городов, между которыми проводится торговля. 40) Спокойны ли дороги. Не бывает ли на них разбойников и грабежей товаров. Если грабежи бывают, то ловят ли и наказывают разбойников или же владетель страны и жители не в силах этого сделать и ограбленный товар не разыскивается. Часто ли бывают случаи грабежей. 41) Кто владетель страны, какой его титул, как его зовут. Какого он племени и какой веры. 42) Давно ли он правит страной. Досталась ли ему страна по наследству, по выбору народа или он завоевал ее сам. 43) Если владетель завоевал страну сам, то каким образом: по желанию народа или силою и с чьей помощью. 44) Кто были прежние владетели страны и где они теперь находятся. 45) Владетель страны независим или кому-нибудь подчинен и, если да, то кому. 46) В чем заключается зависимость: платит ли он дань, сколько и часто ли, или должен помогать войсками, или ис-

полнять что-либо другое. 47) Что обязан тот, от которого владетель зависит: должен ли он помогать войсками или дает деньги и сколько. 48) Как владетель правит страню: по шарияту (если он мусульманин), или по какому иному закону, или по своей воле. 49) Каков его характер, нужно рассказать, как он живет. 50) Есть ли у него дети или родственники, живут ли они в дружбе или нет. Есть ли такие дети и родственники, которые бежали и живут в других странах и где именно. 51) Любит ли его народ, за что и, если не любит, то почему. 52) Не пытался ли народ свергнуть владетеля, если да, то когда, каким образом и что при этом случилось. 53) Откуда он принимает послов и часто ли. 54) Куда посылает своих послов и часто ли. 55) Не приезжали ли к нему русские и англичане в гости. 56) Если приезжали, то кто, как их называли и сколько [их было. — Д. А.]. 57) Хорошо ли они были приняты владетелем или нет. Если нет, то почему. 58) Долго ли они пробыли в стране, в каких местах были, что делали. 59) Давали ли они подарки владетелю, какие, доволен ли он ими остался. 60) Что говорилось об этих гостях в народе; был ли он доволен их приездом или нет, если не был доволен, то почему. 61) Есть ли у владетеля страны постоянное войско или нет. Если постоянное войско есть, то сколько примерно человек — пеших и конных. Все ли это войско живет в одном городе или стоит по разным городам. 62) Откуда это войско взялось: составлено ли оно из жителей самой страны, или из рабов¹⁷, или из людей другой какой-нибудь страны и какой именно, нанятых самим владетелем или ему по дружбе присланных другим владетелем, и кем именно. 63) Если войско составлено из жителей своей страны, то как оно набрано: с селений ли или отдельных домов, по желанию или силой, за плату или вместо подати. 64) Есть ли пушки. Если есть, то сделаны ли они в самой стране или привезены и откуда именно. 65) Чем солдаты вооружены. Имеют ли они, и все ли, ружья, пики, сабли. Если ружья имеют не все, то из скольких человек один вооружен ружьем. Какие ружья, сделаны ли они оружейниками самой страны или откуда-нибудь привезены и откуда именно. Если привезены, то как заряжаются: сзади или спереди¹⁸. 66) Если у солдат есть ружья и пушки, то откуда они берут порох и пули — делают ли их в самой стране или привозят и откуда именно. 67) Сколько получает конный и пеший солдат за свою службу и чем получает: деньгами или пищей и одеждой. 68) Разделяется ли войско на отдельные команды с отдельными начальниками, одеты ли [они] в одинаковое платье, обучаются ли военным порядкам¹⁹ или же ничего этого нет, и войско походит на сброд киргизских барантачей²⁰. 69) Если в стране постоянного войска нет, то как набирается войско на случай войны. Сколько таким образом может быть собрано солдат. Кто им дает оружие. 70) Не случалось ли войн, бунта, прихода чужих войск, присылки оружия, пушек, пороха, открытия заговора, приезда послов, казни родственников владетеля, приближенных к нему людей или других важных лиц. Обо всех этих случаях надо хорошо и подробно узнать, расспросив разных лиц²¹.

Подписал: консул Н. Петровский.

С подлинным верно: старший адъютант Генерального штаба подполковник Карцев.

РГВИА. Ф. 1396 «Штаб Туркестанского военного округа». Оп. 2. Ед. хр. 2209. Л. 223–230 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Петровский Николай Федорович//Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. До-октябрьский период. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М. 1989. С. 189–190.
- 2 Николай Федорович Петровский//Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки. Ташкент. 1974. С. 277.
- 3 Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской восточноведческой историографии. М. 1981. С. 53–54.
- 4 Н. Ф. Петровский//Исторический вестник. 1909. № 1. С. 424–425.
- 5 Семенов А. А. Памяти Николая Федоровича Петровского//Туркестанские ведомости. 1909, 20 мая, № 103.
- 6 Данное подразделение МИДа в XIX в. ведало восточным направлением внешней политики Российской империи.
- 7 В материалах данного дела было отмечено, что подготовлены переводы «Программы» на турецкий и персидский языки.
- 8 Съёмка карты обширных, практически неизвестных европейской науке пространств Центральной Азии являлась важнейшей задачей всех русских путешественников того времени (экспедиции П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова и др.).
- 9 Базар (перс.) — на Востоке традиционное понятие сборного места всех предметов торговли данного города, часто центра всех его сношений с соседними городами и странами.
- 10 Историко-культурная область в среднем течении Сырдарьи, до 1876 г. находилась под властью Кокандского ханства, затем ее территория была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи.
- 11 Гладкие хлопчатобумажные ткани, которые в значительном количестве производились русской текстильной промышленностью и распространение которых на азиатских рынках Петровский считал необходимым особо поддерживать.
- 12 Совокупность малых по размеру, необходимых в повседневном быту изделий, как-то: иголки, булавки, пуговицы, пряжки, наперстки, нитки и т. д.
- 13 Английские интересы на Востоке усердно проводились

- в жизнь представителями западного христианства, особенно членами различных протестантских миссий.
- 14 Старинное обозначение четырех сторон света, здесь соответственно имелись в виду юг, север, восток и запад.
- 15 Русская мера веса, равняется 16,38 кг.
- 16 Предмет снаряжения животного, перевозящего тяжести, в данном случае выюк, — чаще всего объемистый ящик, который вместе с парным ему и обязательно равным по весу прикреплялся к специальному выючному седлу.
- 17 В ряде стран Востока существовала традиция подготовки будущих воинов из покупаемых или насильственно захватываемых иноплеменных мальчиков-рабов (мамлюки в Египте, янычары в Турции).
- 18 Имелось в виду наличие соответственно огнестрельного казнозарядного или дульнозарядного стрелкового оружия.
- 19 Данные признаки могли рассматриваться как качественные показатели формирования регулярной армии.
- 20 Баранта (*тюрк.*) — набег, грабеж с целью угона скота; киргизы — в XIX в. общее наименование тюркоязычного кочевого населения Центральной Азии.
- 21 Начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Н. И. Разгонов счел необходимым дополнить данный вопросник еще двумя пунктами: «71) Не было ли присылки из какой-либо чужой страны начальников для обучения войск. Если таковые присылки были, то откуда именно. 72) Имеются ли в стране укрепленные пункты, если имеются, то а) как называются и где они расположены; б) какими стенами окружены, имеются ли рвы; в) какая местность (например, болотистая, клеверные поля, сады, дома, возвышенности) вокруг крепости; г) есть ли в крепостях пушки, большие или малые, и имеются ли люди, обученные действовать из этих пушек; д) имеются ли запасы пороха и продовольствия в крепостях»//РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Ед. хр. 2209. Л. 221об.-222.

Публикация кандидата исторических наук **Дмитрия АРАПОВА**

СБОРНИК
РУССКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

№ 7 (155)

Записка С.Ю.Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г.

(Публикация Д.Ю.Арапова)

На рубеже XIX—XX вв. одной из наиболее влиятельных фигур в правящих верхах Российской империи бесспорно являлся министр финансов Сергей Юльевич Витте¹. Энергичный и широко мыслящий государственный деятель, Витте считал крайне опасным для монархии заметное обострение «национального чувства завоеванных инородцев» и, в отличие от большинства царских сановников, был сторонником проведения более имперски гибкого курса этноконфессиональной политики. Позднее в своих «Воспоминаниях» он писал по этому поводу: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики — это то, что мы до сих пор еще не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения — инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю — их религию, их язык и проч.»².

Присущий Витте политический прагматизм обусловил и отчетливо подтвердил его подход к ставшему на стыке веков актуальным для империи «мусульманскому вопросу». Наиболее подробно точка зрения Сергея Юльевича на эту проблему нашла свое отражение в секретном «заключении» Министерства финансов от 25 октября 1900 г., направленном в Военное министерство³. В то время военное ведомство монархии Романовых, которому подчинялось управление Русским Туркестаном, было крайне обеспокоено разразившимся под лозунгами «джихада» в мае 1898 г.

Анджиганским восстанием. Данное выступление было быстро и жестко подавлено, но под его впечатлением военно-административные структуры Петербурга и Ташкента подготовили «Временные правила об управлении духовными делами мусульман» в Туркестанском крае, которыми предусматривалось резкое «ограничение вредного влияния мусульманского духовенства»⁴. Проект этих директивных «установлений» характеризовал ислам, как «исторически привившуюся к нашему государственному организму болезненную язву». Важнейшей целью всей имперской политики здесь провозглашалась непрерывная «систематическая борьба» с «мусульманством», которая должна была вестись «твердой и бесповоротной рукою от лица центрального правительства». Как министр финансов, Витте по должности явился участником междоведомственного обсуждения данного «противомусульманского» документа. В подписанном им «заключении» было достаточно критически разобрано содержание этого проекта и детально обоснованы замечания и возражения по его существу⁵.

Внутриведомственная подготовка данной виттевской записки, судя по всему, носила традиционный организационно-делопроизводственный характер. Как это было принято при создании подобного рода материалов, обычно министр должен был поставить перед непосредственными исполнителями общую задачу их работы, определить свое видение ее направленности, очертить круг интересов ведомства (в данном случае Минфина), на стадии завершения труда над текстом он мог внести в него свои уточнения и поправки. Уроженец Тифлиса, Витте провел на Кавказе свои молодые годы, общался с местными «татарами» — му-

сультманами, имел достаточно ясные представления о своеобразии мусульманского мира, но никогда специально не занимался его изучением. Представляется, что по указанию (или приглашению) Сергея Юльевича, в составлении данной записки принимали участие эксперты, досконально знавшие исламские реалии и их российскую, в том числе среднеазиатскую специфику. Исполнители документа сумели достаточно точно передать суть тогдашних внутри- и внешнеполитических воззрений Витте, умело внесли в текст элементы свойственной для Сергея Юльевича политической риторике⁶.

Нами публикуется начальная, наиболее концептуально значимая часть «заключения» Витте, заверенная рукописная копия которого хранится в Российском государственном историческом архиве в фонде 821 «Департамент духовных дел иностранных исповеданий». Имевшиеся в документе примечания по возможности сохранены, их использование особо оговорено, они включены в общий, заново составленный комментарий.

* * *

Министерство
Финансов
Канцелярия
Отделение
25 Октября 1900 г.
№ 97

Секретно

Господину
Военному Министру⁷

[л. 3] При отношении от 16 Мая сего года за № 971, Военное Министерство препроводило на мое заключение проект «Временных правил об управлении духовными делами мусульман» в Туркестанском крае, с относящимися к этому проекту материалами и перепискою.

Вследствие сего имею честь сообщить Вашему Превосходительству нижеследующее.

Препровожденный на мое заключение проект, обнимающий собою правила об управлении в Туркестане: 1) мусульманским духовенством, 2) мусульманскими учебными заведениями и 3) вакуфами⁸, составляет, как видно из всеподданнейшего

доклада Туркестанского Генерал-Губернатора, озаглавленного «Ислам в Туркестане», только часть обширной программы мероприятий, необходимых, по мнению Генерала от Инфантерии Духовского⁹, для урегулирования положения мусульманства не только в вверенном его управлению крае, но и «в других районах с мусульманским населением вне Туркестана» /всеподданнейший доклад, стр. 4 и 18/. В виду сего для правильной оценки означенного выше проекта, представляется необходимым, хотя бы вкратце, остановиться на тех общих взглядах и принципиальных соображениях, которые [л. 3 об.] положены в основу всей программы и изложены в том же докладе.

Основная, руководящая мысль доклада состоит в том, что мусульманство является враждебною русской государственности политической силою. Оно характеризуется как: «исторически привившаяся к нашему государственному организму болезненная язва» /всепод. док., стр. 3/. Такое значение оно приобрело, главным образом, под влиянием ошибок всей предшествующей нашей политики по отношению к покорявшимся нами мусульманам /стр. 6 и 7/. Эта политика отмечена «отсутствием общего государственного плана для нравственного слияния мусульман с коренным русским народом» и «колебаниями во взглядах и действиях правительства» /стр. 3/, которое не ограничивалось тем, что в большинстве случаев совершенно игнорировало мусульманство, но иногда даже покровительствовало ему, например, искусственно насаждало ислам среди оренбургских киргиз¹⁰, дало магометанам северо-восточной России и Крыма такую внутреннюю духовную организацию /духовные правления с муфтием во главе¹¹/, которая только способствовала обособлению их от прочего населения Империи и питала среди них религиозный и национальный сепаратизм /стр. 6 и 7/. Вредное политическое значение мусульманства, как вероучения, по самому своему существу [л. 4], «враждебного не только нашей религии, и и всей вообще нашей культуре», усугубляется в настоящее время распространением среди татар идей

панисламизма /стр. 5, 10, 11 и 13/. Покорность мусульман только кажущаяся. Попытки с их стороны к восстаниям, подобным Андижанскому, возможны и в будущем и при удаче могут принять опасные размеры /стр. 3/. В особенности это относится к Туркестану, «который ныне еще нельзя считать краем, мирное спокойствие которого вполне обеспечено» /стр. 3/. Поэтому дальнейшее игнорирование мусульманства представляется не только нежелательным, но и невозможным /стр. 13/. Необходима общая постановка в государстве вопроса о мусульманстве /стр. 13/, «установление общего государственного плана вполне оформленных и устойчивых отношений к данному вопросу, дабы упущение и ошибки административных учреждений одной из окраин не могли вредно отзываться на ходе дел в других местностях с мусульманским населением» /стр. 13 и 14/.

Таковы в самых главных и общих чертах те принципиальные воззрения, которые, по выраженному в докладе мнению, полезно было бы «установить твердо и бесповоротною рукою на будущие времена от лица центрального Правительства России», но которые, «к сожалению [л. 4 об.] недостаточно твердо и одинаково усвоены в наших органах центрального Правительства». «Под влиянием поверхностных впечатлений некоторые учреждения», говорится в докладе, «к наружному выражению спокойствия в крае ошибочно присоединяют утверждение, будто душа мусульманина уже нами покорена... Азиатская лезть принимается за чистую монету, а страх перед нашею силою за чистосердечную преданность» /стр. 4/.

Ознакомясь с изложенными взглядами, нельзя не признать, что усвоение их высшею правительственною властью, как того желает доклад, знаменовало бы собою решительный поворот в нашей политике по отношению к покоренным мусульманским народам. Генерал от Инфантерии Духовской склонен, повидимому, усматривать в этой политике совершенное отсутствие какого бы то ни было объединяющего начала. Между тем существующий строй наших отношений к мусульманству, складываясь

постепенно на протяжении нескольких столетий, является результатом далеко не одного случайного сцепления исторических обстоятельств, но и последовательного проведения одного общего руководящего начала. Четыреста лет тому назад, после вековых испытаний и борьбы, русский [л. 5] народ сломил прозную власть татар и с тех пор шаг за шагом русская культурная и военная сила и русская государственная власть подчиняют себе разрозненные ветви некогда могущественного тюрко-татарского племени и вводят их в состав единого и нераздельного русского государства. Одно за другим сливаются с ним в культурном и политическом единении царства Казанское, Астраханское, Крым, Кавказ и, наконец, Туркестан. В течении всего этого долгого периода русской власти приходилось постоянно и вполне сознательно устанавливать свои отношения к мусульманским подданным, и, если в действиях Правительства в этом направлении по временам, быть может, и замечалось по временам некоторое отсутствие единства, некоторые колебания, впрочем, на протяжении столь долгого промежутка времени почти и неизбежные, тем не менее несомненно, что в отношении всех мероприятий Правительства всегда неизменно лежало одно начало — терпимость к мусульманской религии и доверие к благонадежности мусульман. Это начало вело к признанию за мусульманами полной равноправности с другими подданными Империи, обеспечивало им свободу в отправлении их духовных потребностей и невмешательство [л. 5 об.] в их внутреннюю жизнь. Не задаваясь целью проследить действие этого начала на пространстве всей нашей истории и не останавливаясь на прошлом веке, который и во всеподданнейшем докладе признается веком не только терпимости и доверия к мусульманству, но и особого покровительства к нему отношения со стороны правительства /стр. 7/, достаточно будет припомнить, что в истекающем столетии наванное начало одушевляло собою деятельность таких государственных людей, какими были, например, князь Воронцов¹², сначала Новороссийский Генерал-Губер-

натор и полномочный Наместник Бессарабской области, а затем Наместник Кавказский, фельдмаршал князь Барятинский¹³ и Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Николаевич¹⁴, Наместники Кавказские, граф Перовский¹⁵, Оренбургский Генерал-Губернатор, фон Кауфман¹⁶ и Черняев¹⁷, Туркестанские Генерал-Губернаторы, и др., из коих некоторые по-святели всю свою жизнь делам наших азиатских окраин. Эти славные имена украшают собою страницы не только нашей военной истории, но и истории мирных побед и культурных завоеваний. Оружием для великих мирных побед грозным в боях военачальникам служили именно терпимость, доверие и доброжелательное отношение к покоренным народам. Этим оружием были [л. 6] совершены такие подвиги, как культурное слияние Крыма и Кавказа с Империей и насаждение русской гражданственности в Туркестане. Всем известны, а немногим еще, быть может и памяты, та любовь и почтительная преданность, которыми пользовался князь Воронцов среди туземцев в Крыму и на Кавказе за свое внимательное к их нуждам отношение¹⁸.

Преемник и продолжатель деятельности Воронцова на Кавказе, князь Барятинский, старался теми же средствами привязать к нам туземное население и, как удостоверяет один из его биографов, главной чертой его политики было именно стремление связать край с государством, не обезличивая разные мелкие народности, искони живущие в стране¹⁹. Едва ли в настоящее время нужно доказывать, что тем же духом была проникнута политика и Августейшего Главнокомандующего Кавказскою армиею и Наместника Кавказского — Его плодотворная деятельность еще жива у всех в памяти²⁰. А лучшим свидетельством о ней могут служить, например, следующие подлинныя слова Его Императорского Высочества, изложенные во всеподданнейшем отчете Его по военно-народному управлению за 1863—1869 годы. «Преемнику Фельдмаршала князя [л. 6 об.] Барятинского», говорится в этом отчете, «предстояла задача, — направив все усилия для

прекращения Кавказской войны, упрочить вместе с тем и на Восточном Кавказе дело покорения, с одной стороны, развитием военных мер для увеличения нашей материальной силы и, так сказать, внешней власти в горах, с другой, что главное, развитием мер для утверждения над горами нашей нравственной власти и значения, для покорения их оружием духовной, внутренней силы. Эти последние меры должны были, по моему мнению, отнестись, во¹, к устройству соответствующего понятиям горцев твердого и при твердости доброжелательного управления ими; во², к постепенному преобразованию быта горских населений в видах очищения его от всего варварского и отжившего, а также в видах точного определения и ограждения имущественных и личных прав горцев и поднятия уровня экономического и умственного их развития»²¹.

Таким образом, основой политики являлась доброжелательность к покоренным народам. А вместе с нею, конечно, и терпимость к их религии. «Как ни желательна», говорит отчет, «в интересах православия и русской власти, уменьшить [л. 7] по возможности, преобладание в горском населении мусульманского элемента, но, с одной стороны, свойственная той же власти веротерпимость, а с другой, опасение неблагоприятных для спокойствия края последствий, побуждает ограничиться в этом отношении одними лишь паллиативными средствами, состоящими в поддержании христианства, там где оно существует, и в противодействии мусульманству в тех случаях, когда оно проявляет стремление к насильственной пропаганде и притом явно с политическими целями»²². Эти знаменательные слова приобретают особое значение, если принять во внимание, что они написаны в то время, когда Кавказ еще не был окончательно замирен, что уже к концу управления Великого князя Кавказским наместничеством (1881 г.) результаты тех политических начал, которые выражены в приведенных словах всеподданнейшего отчета, были налицо — Кавказ в значительной своей части представлял область, населенную настолько мирными племенами,

что «признано было возможным подчинить их общим с русским населением гражданским административным учреждениям»²³. Носителями же исконных начал русской [л. 7 об.] политики явились и первые Генерал-Губернаторы Туркестанского края — фон-Кауфман и Черняев. Так, например, первый из них, в проекте своего всеподданнейшего отчета по управлению Туркестанским Генерал-Губернаторством с 1867 по 1881 г., удостоверяет, что основным принципом его политики по отношению к мусульманской религии было «выдержанное последовательное игнорирование мусульманства с его фанатическими учреждениями, усвоенное в убеждении, что всякая иная система отношений государственной власти к мусульманской религии оказалась бы здесь решительно непригодною»²⁴. Приняв в основу своих взглядов и действий идею веротерпимости, отличавшую издревле политику русского государства, говорит он далее в этом докладе, «я, не предоставляя туземному и татарскому духовенству никакой официальной иерархической роли при новом порядке управления краем, в то же время не позволил себе и ввести в необходимый надзор местной администрации над темной деятельностью этого вредного класса наших подданных ничего такого, что могло бы в народном сознании сочтено за гонение или угнетение нами господствующего в стране вероисповедания, — убежденный, что и гонение, как и покровительство туземной [л. 8] духовной корпорации со стороны Русского правительства, лишь послужили бы одинаковым образом к несогласному с интересами нашими возвышению действительного влияния и значения мусульманского духовенства»²⁵. Результаты же этой политики выражены им в следующих определенных и уверенных словах того же отчета: «Грозное пугало всех прежних русских мероприятий, «шариат» настолько утратил в настоящее время свое тормозящее значение, что я решаюсь, не обинуясь, доложить всеподданнейше Вашему Императорскому Величеству, что никаким правительственным мероприятиям в наших среднеазиатских владениях, если они сооб-

разны с пользами экономического и гражданского устройства страны в настоящее время уже не в состоянии противостоят серьезной преградой господствующая в крае религия»²⁶.

Такое единообразие во взглядах и действиях целого ряда выдающихся государственных деятелей, преемственно сменявших друг друга в управлении мусульманскими окраинами Империи, не оставляет, казалось бы, сомнения в том, что в основе нашей политики по мусульманскому вопросу всегда лежало единое начало, нашедшее себе торжественное выражение в ст. 45 [л. 8 об.] Основных Законов Империи. «Свобода веры», гласит эта статья, «присвоится не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего, разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи». И казалось бы, что исторический опыт до сих пор еще не осудил этого начала: выдающихся случаев нарушения долга верности со стороны мусульман история не знает. Если и могут быть указаны мелкие вспышки религиозного фанатизма, то эти вспышки едва ли правильно было бы принимать в расчет в смысле характеристики отношений всего мусульманства к русской власти: возмущения на почве невежества и заблуждений случались и среди коренного русского населения. Между тем положительная сторона доверчивого и доброжелательного отношения русского Правительства к мусульманам несомненна, и лучшим ее выражением служит постоянное умножение числа мусульманских подданных и мирное их сожитие на пространстве многих столетий с другими народами, подвластными Империи. Будучи самым убедительным, исполненным достоинства [л. 9] проявлением русской силы и мощи, такое отношение простирает свое влияние далеко за пределы Империи и является, конечно, главной причиной того обаяния, которым пользуется на всем мусульманском Востоке имя

Белого Царя²⁷, как могущественнейшего монарха под скипетром которого находят себе справедливую защиту, мирно живут и благоденствуют все народы, к какому бы племени и вере они не принадлежали.

На место доверия и терпимости Генерал от Инфантерии Духовской в своем всеподданнейшем докладе полагал бы необходимым руководящим принципом нашей политики по отношению к мусульманству поставить начала противоположные: недоверие и нетерпимость. Вместо традиционного дружелюбно-безразличного отношения к исламу необходима, по его мнению, систематическая борьба с ним. «После 350-летнего владычества России над миллионами мусульман, можно и должно», говорится в докладе, «капитально взяться за дело» /стр. 4/.

Ближайшею причиною, внешним поводом, внушившими Генералу от Инфантерии Духовскому мысль о необходимости такой перемены, как видно из его всеподданнейшего доклада /стр. 3/ послужило Андиганское восстание. Это [л. 9 об.] кровавое событие совпало с назначением Генерала Духовского Главным начальником Туркестанского края и, конечно, должно было произвести на него сильное впечатление, «взволновало» его, как удостоверяет доклад /стр. 3/, приобрело в его глазах значение исключительной важности, возведено было на степень симптома, свидетельствующего о настроении всего Туркестанского населения и даже всего мусульманского мира²⁸.

Между тем, как ни прискорбен сам по себе факт дерзкого нападения шайки Минтубинского ишана на андиганский гарнизон²⁹, этот факт, рассматриваемый ныне, когда вызванное им чувство справедливого негодования уже несколько улеглось, казалось бы не представляется ни настолько значительным, ни настолько грозным, чтобы бросить свой мрачный отблеск на характер отношений русского Правительства ко всему мусульманскому населению Империи или даже к населению Туркестанского края, не принимавшему никакого участия в нападении. Непосредственные виновники этого печального события по-

несли строгое и справедливое возмездие³⁰, и тем, казалось бы, должна считаться исчерпанною область репрессивных мер, вызывавшихся этим событием, так как оно едва ли может служить доказательством злоупотребления со стороны всего мусульманского населения края предоставленной ему свободой вероисповедания. В самом докладе говорится, что [л. 10] восстание было делом лишь около тысячи человек мусульман /стр. 3/, а Туркестанская комиссия, коей была поручена разработка вопроса об устройстве мусульманского духовного управления, характеризует это восстание, как «вспышку энтузиазма легковой кучки мечтателей»³¹. В истории Туркестанского края, со времени его покорения, можно указать на несколько подобных вспышек, произведенных, как отдельными личностями, так и целыми группами разного рода фанатиков и авантюристов. И если эти волнения носили религиозную окраску, то только потому, что лишь под этой формой руководители беспорядков могли надеяться повлиять на темную неразвитую народную толпу и увлечь ее за собою. На иной почве, кроме религиозной, достигнуть возбуждения толпы было невозможно, ибо население всегда хорошо понимало и умело отличать благотворные результаты русского владычества от произвола ханских времен. Небезынтересно привести по этому поводу нижеследующее удостоверение первого Туркестанского Генерал-Губернатора Генерал-Адъютанта К.П.фон-Кауфмана, изложенное в проекте его всеподданнейшего отчета за четырнадцатилетнее управление Туркестанским краем: «свидетельства миролюбивого и сознательно симпатичного отношения народа к новому порядку [л. 10 об.] весьма многочисленны и решительны. Я позволяю себе указать только на немногие факты, наиболее выдающиеся. В 1868—1869 гг. введение нового положения в крае не встретило нигде противодействия в населении, возбуждавшемся против него влиятельными туземцами, представителями прежней системы. Позднее, в 1872 году, шайка диванов³², разграбившая одну из станций³³ в Кураминском уезде, с расчетом

что к ней примкнул все недовольные русским управлением, в немного дней была переловлена самим населением. В смутное время беспорядков священной мусульманской войны 1875 года, вспыхнувшей в бывшем Кокандском ханстве³⁴, повторилось то же над немногими туземцами пограничных Сыр-Дарьинских уездов, которые, под влиянием кокандских мятежников пытались было поднять местное население против нашего господства. Еще позднее, в памятный год Турецкой войны³⁵, мусульманская окраина Империи на азиатском Востоке вышла с честью из серьезного испытания; при полном спокойствии края само население озаботилось поимкою и арестом подозрительных личностей, скрывавших эмиссарские цели под предлогом собирания здесь денег на постройку мечетей в каких-то азиатских областях Турции»³⁶.

[л. 11] В дополнение к этим отзывам бывшего Туркестанского Генерал-Губернатора можно отметить, что и при последних андижанских беспорядках их главари были схвачены также не без помощи самого туземного населения. Приводя изложенный отзыв Генерал-Адъютанта фон-Кауфмана, не следует, впрочем, скрывать от себя, что этот отзыв для своего времени носил, [л. 11об.] быть может, отпечаток несколько оптимистического взгляда на вещи, вполне казалось бы, однако понятного, если принять во внимание, что он исходит от лица, на долю которого выпала заслуга первоначального умиротворения края и честь насаждения в нем русской гражданственности. Обстоятельство это тем не менее не умаляет значения приведенного отзыва для нашего времени, так как было бы печально и едва ли соответственно действительному положению дел признавать, что с тех пор наше влияние на местное население не сделало никаких успехов.

Все изложенное позволяет, казалось бы взглянуть на Андижанское восстание, как на явление случайное, созревшее на почве невежества и суеверия. Нельзя поэтому, обобщать подобные явления, делать из него мерку и прилагать ее ко всему населе-

нию Туркестана. Тем менее, казалось бы, можно прилагать ту же мерку ко всему русскому мусульманству. Для этого не может служить основанием и предположение о распространении среди населяющих Россию мусульманских племен идей панисламизма³⁷. Панисламизм и его успехи у наших мусульман — явление еще весьма малоизученное, недостаточно выясненное, и составляет пока вопрос совершенно открытый, не могущий служить основанием ни для каких выводов и настроений. Во всяком случае можно думать, что учение [л. 12] панисламистов не найдет у нас условий, которые способствовали бы переходу его из области теоретических мечтаний на почву практического осуществления. Различия жизни, быта, характера и географическая разобщенность наших инородцев-мусульман настолько велики, что о каком-нибудь религиозно-политическом единении между ними едва ли может быть речь. Не говоря уже о племенном антагонизме, например, Казанских татар и Туркестанских сартов³⁸, отмечаемом в самом докладе /стр. 12/, даже отдельные мусульманские племена Кавказа, казалось бы, наиболее близкие друг к другу и географически и по условиям жизни и быта, постоянно находятся во взаимно враждебных отношениях. Таким образом, ни андижанское событие само по себе, ни вызванный им призрак панисламизма, обуславливая, быть может, необходимость некоторых частных предупредительных мер чисто местного характера, не могут однако служить достаточным основанием для того решительного и крутого поворота в издавна усвоенной нашим правительством общей системы отношений к мусульманству, который кажется столь необходимым Генералу Духовскому.

Этот поворот тем менее, казалось бы, желателен, что всякая принципиальная перемена во взглядах верховного правительства приобретает весьма серьезное [л. 12об.] практическое значение даже в том случае, если бы эти взгляды и не нашли себе конкретного выражения в каких-либо законодательных или правительственных мероприятиях: местная администрация

обыкновенно с такою чуткостью отражает подобную перемену в своих действиях и распоряжениях, что последняя становится понятна населению уже ранее ее официального проявления. Вследствие сего нередко бывает, что меры, вполне благоприятные населению, при общем отрицательном направлении политики, осуществляются на практике с такою жестокостью и прямолинейностью, что возбуждают ропот и неудовольствие. И наоборот даже меры по существу, ограничительного характера, при общем благоприятном отношении и доверии правительства к населению, проводятся с мягкостью, делающею их мало чувствительными. В числе мер, включенных в программу Генерала от Инфантерии Духовского, имеется ряд таких, целесообразность коих должна быть признана и оправдана при самом доверчивом и благожелательном отношении к мусульманскому населению Туркестанского края и Империи. Таково, например, предположение о необходимости развития среди подрастающего молодого поколения правильного образования³⁹, которое одно, по справедливому замечанию доклада, «может постепенно дать место [л. 13] убеждению, что вошедшая в шарият ненависть ко всему вне ислама была порождением давно минувших условий быта и деятельности современных жизни пророка⁴⁰, ныне потерявших значение»; таковы, далее, сближение с мусульманским населением посредством развития среди него медицинской помощи, к которой мусульмане прибегают очень охотно, особенно помощь женщин-врачей, проникающих в укромнейшие уголки семейной жизни туземцев, «надлежащая постановка среди русского общества тех передовых лиц обоего пола, кои, не боясь нареканий толпы, идут впереди других по пути сближения с русским миром», упрощение правил узаконения детей, прижитых от христиан с мусульманами и обратно и т. п.⁴¹ Все эти меры, несомненно, могут привести к сближению туземного населения с русским, но могут принести и обратные результаты — успех будет зависеть от того такта, тех способов и приемов, с которым и при помощи которых эти меры

будут осуществляться на практике, а последнее в значительной степени будет обусловлено, как замечено выше, общим направлением правительственной политики по отношению к мусульманскому вопросу.

Наконец, нельзя, казалось бы, забывать, что наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является [л. 13об.] важным фактором политики внешней. Силою вещей мусульманский Восток с каждым годом приводится все в более близкое соприкосновение с культурными народами Европы и начинает служить для них ареною соперничества за политическое влияние. При этом условии едва ли было бы для нас выгодно и соответствовало бы нашим задачам в Средней Азии и вообще на Востоке, чтобы с именем Белого Царя, до сих пор произносившимся наряду с именем Падишаха⁴², как покровителя мусульман, стало соединяться представление о силе, хотя и могущественной, но враждебной и нетерпимой по отношению к мусульманству. Едва ли было бы желательно, чтобы ореол этого имени померк в глазах мусульман и был перенесен на имя другого монарха. Политические события недавнего прошлого, казалось бы, подсказывают даже, кто хотел бы сделаться наследником этого ореола. Два года тому назад Император Германский Вильгельм II предпринял путешествие в Палестину, и весь мир был свидетелем необыкновенно горячего, восторженного приема, оказанного этому Монарху в Турции. Выражение симпатий дошло до того, что в Иерусалиме ему была показана гробница Царя Давида — святилище, в которое до сих [л. 14] пор не допускался ни один немусульманин. В произносившихся приветствиях говорилось о радостных чувствах не одних только турок, но и трехсот миллионов мусульман. А Император Вильгельм во время пребывания в Дамаске возложил венок на гробницу Султана Саладина⁴³ и в знаменательном тосте, сказанном им в этом городе 25 октября 1898 г., торжественно объявил себя навсегда верным другом Султана⁴⁴ и «трехсот миллионов мусульман»⁴⁵. Это путешествие и сопровождавшие его торжества явились лишь наиболее ярким выражением и завер-

шением тех усилий, которые систематически и неуклонно прилагались Германским Императором для насаждения и укрепления своего влияния в Турции: он дал ей тех инструкторов, которые реорганизовали и обучили ее армию и обеспечили Турции успех в столкновении с Грецией, он принял сторону Турции во время этого столкновения, он же не захотел идти против нее и в вопросе о Крите⁴⁶. И нельзя сказать, чтобы все эти усилия и другие менее заметные способы влияния не имели иных более существенных для Германии последствий, кроме торжеств и изъявления симпатий во время путешествия или даже в самое последнее время, когда по [л. 14об.] случаю празднования юбилея Султана Германскому послу был пожалован высший знак отличия Оттоманской Империи⁴⁷. Известно, что при соискании концессий в Турции немцы пользуются вообще привилегированным положением, и с ними не могут конкурировать в этом отношении предприниматели других национальностей. А самую крупную и важную в политическом отношении из полученных немцами концессий является, несомненно, Багдадская железная дорога⁴⁸.

Для России, историческими судьбами поставленной в особенную близость с мусульманским Востоком и призванной осуществлять здесь особые предначертанные ей задачи, усиление Германии на Востоке не может быть безразлично. Поэтому, едва ли было бы осторожно именно теперь применять к русским подданным-мусульманам такие меры, которые могут дать повод к обвинению России в нетерпимости к исламу и породить неприязненное к ней настроение во всем мусульманском мире.

Все вышеизложенное дает мне право возбудить сомнение относительно целесообразности замены лежащего в основе наших отношений к подданным-мусульманам начала, освященного историческими традициями и [л. 15] приводившего до сих пор к усилению нашего влияния на Востоке — другим противоположным, возможные последствия которого неизвестны.

Переходя от общих соображений к рассмотрению сопровождаемого на заклю-

чение Министерства Финансов проекта «Временных правил об управлении духовными делами мусульман» нельзя не признать, что этот проект в значительной мере носит на себе след того же отрицательного отношения к мусульманству, которым проникнут всеподданнейший доклад Туркестанского Генерал-Губернатора. Являясь отражением несколько крайних взглядов, изложенных в этом докладе, проект в свою очередь, дает повод к возбуждению некоторых сомнений, вызывает на некоторые возражения. Высказываясь в этом смысле, Министерство Финансов вовсе не имеет однако в виду принципиально отрицать необходимость известного надзора за проявлениями духовной жизни и духовными учреждениями мусульман. Но формы и способы сего надзора могут быть очень различны, и выбор их, казалось бы, должен вполне обуславливаться самим характером и особенностями среды, подлежащей наблюдению. Духовная жизнь последователей ислама, относящихся, как известно, с особою ревностью к вопросам своей религии и не отличающихся в общей массе высокую [л. 15об.] степенью умственного развития, представляет в этом отношении весьма неблагоприятную почву для административного воздействия. Всякая недостаточно осторожная мера на этой почве может повести к результатам, совершенно противоположным тому, что имелось в виду при ее установлении, может дать толчок к дальнейшему, хотя, быть может, и скрытому развитию тех именно сторон духовной жизни, которые казалось желательным ограничить, ослабить путем надзора. В Туркестанском крае, если как удостоверяет всеподданнейший доклад, мирное спокойствие его до сих пор нельзя считать вполне обеспеченным, вопрос этот представляется еще более сложным. Несмиренное состояние края, казалось бы, само собою внушает мысль о чрезвычайной осторожности. При этом необходимо иметь в виду, что самые способы и приемы практического надзора нелегко поддаются регламентации и почти всецело будут зависеть, с одной стороны, как замечено выше от общего направления

политики по данному вопросу, а с другой — от общего духа тех правил, какие будут даны в руководство исполнителям, и, наконец, разумеется от такта этих последних. При таком положении дела приобретает серьезное значение не только самое существо проектируемых правил, но и их редакция. Все это, вместе взятое, обуславливает необходимость [л. 16] самой внимательной разработки правил об управлении духовными делами мусульман, при которой по возможности были бы обсуждены все проектируемые меры, взве-

шены все допускающие предвидение их последствия, устранены такие несовершенства редакции, которые могут дать повод к сложным толкованиям. (Последующая часть документа, где был проведен разбор конкретных замечаний на проект «Временных правил», в данной публикации опущена — Д.А.).

Министр Финансов
Статс-Секретарь⁴⁹ (подписал) Витте
Директор (скрепил) И.Шипов⁵⁰

Верно
РГИА, ф. 821, оп. 150, ед. ч. 409, л. 3—16.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Витте Сергей Юльевич // Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. Изд. 2-е, испр. и допол. — СПб., 2002. С. 135—144.
- 2 Витте С.Ю. Воспоминания. — М., 1994. Т. III. С. 260—261.
- 3 Краткое изложение содержания данного документа было приведено в кн.: Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). — СПб., 1998. С. 908—910.
- 4 Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1899 год. — СПб., 1900. С. 13.
- 5 Аргументы Витте, возможно, сыграли свою роль в том, что в Петербурге в конечном счете тогда решили воздержаться от каких-либо изменений в сложившейся практике государственного регулирования исламских институтов, как в Туркестане, так и в других районах империи, и проект данных «Временных правил» был, как говорится, «положен под сукно» // Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865—1917) (по архивным документам). — Елец, 1998. С. 68—69.
- 6 Вопрос об авторстве официальных документов по «мусульманскому вопросу», представленных от имени руководителей имперских ведомств и территорий (данное «заключение» С.Ю.Витте, более поздняя серия записок П.А.Столыпина и др.), требует особого источниковедческого исследования. О подготовке подобного рода записок см. замечательный рассказ А.И.Куприна «Царский писарь».
- 7 В 1898—1904 гг. пост военного министра Российской империи занимал генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин.
- 8 Вакуф (вакф) — собственность мусульманских духовных учреждений.
- 9 Духовской Сергей Михайлович — генерал от инфантерии, в 1898—1901 гг. генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа. Анализ текста доклада «Ислам в Туркестане» позволяет предположить, что его ведущим составителем был известный востоковед, тогда чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Туркестана В.П.Наливкин. Это подтверждает сравнение данного доклада с авторскими работами Наливкина, в частности, его книгой «Турземцы раньше и теперь» (Ташкент, 1913).
- 10 В дореволюционной литературе название кочевого тюркоязычного населения Центральной Азии.
- 11 К началу XX в. духовную жизнь мусульман большинства районов Европейской России и Сибири контролировало Оренбургское магометанское духовное собрание в Уфе, мусульман Крыма и западных губерний — Таврическое магометанское духовное правление в Симферополе, мусульман Закавказья-Суннитское и Шинитское духовные управления в Тифлисе.
- 12 Воронцов Михаил Семенович, граф, с 1845 г. — князь, генерал-фельдмаршал, в 1823—1844 гг. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, в 1844—1854 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий русскими войсками на Кавказе.
- 13 Бяратинский Александр Иванович, князь-генерал-фельдмаршал, в 1856—1862 гг. на-

- местник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армии.
- ¹⁴ *Михаил Николаевич*, великий князь, генерал-фельдмаршал, в 1863—1881 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армии, в 1881—1905 гг. председатель Государственного совета.
- ¹⁵ *Перовский Василий Алексеевич*, граф, генерал-адъютант, в 1833—1842 и 1851—1857 гг. оренбургский генерал-губернатор.
- ¹⁶ *Фон Кауфман Константин Петрович* — генерал-адъютант, в 1867—1882 гг. первый генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа.
- ¹⁷ *Черняев Михаил Григорьевич* — генерал от инфантерии, в 1882—1884 гг. генерал-губернатор Туркестана и командующий войсками Туркестанского военного округа.
- ¹⁸ См. публикуемый в данном сборнике материал «М.С.Воронцов и мусульмане Крыма».
- ¹⁹ Примечание 1900 г. — *Русский Биографический словарь*. — М.—СПб., 1900. Т. II. С. 540.
- ²⁰ Имелся в виду великий князь Михаил Николаевич.
- ²¹ Примечание 1900 г. — Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863—1869 гг. — СПб., 1870. С. 2.
- ²² Примечание 1900 г. — Там же. С. 86.
- ²³ Примечание 1900 г. — Там же. С. 119.
- ²⁴ Более подробно см.: *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России (1917 г.) // *Ислам в Российской империи* (законодательные акты, описания, статистика). Сост. Д.Ю.Арапов. — М., 2001. С. 293—297.
- ²⁵ Примечание 1900 г. — Проект всеподданнейшего отчета Генерал-Адъютанта К.П.фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 1867—1881 гг. — СПб., 1885. С. 207—208.
- ²⁶ Примечание 1900 г. — Там же. С. 11
- ²⁷ У древних тюрков «белый» цвет был связан с обозначением социальных верхов, «белым» было знамя Чингисхана. Московские государи с XV в. стали употреблять оборот «Белый Царь» при подписи обращений к своим мусульманским подданным, подчеркивая свое право властвовать над ними.
- ²⁸ В конце XIX в. в Российской империи проживало около 14 миллионов мусульман, в том числе в Туркестане обитало около 7 миллионов последователей «магометанского закона».
- ²⁹ Во главе Андижанского восстания 1898 г. стоял ишан (духовный руководитель) дервишского братства Накшбандийа Мадали, который обосновался в кишлаке Минг-Тюбе (к югу от Андижана). По его наущению толпа его сторонников на рассвете 18 мая внезапно напала на русский военный лагерь на окраине Андижана и убила 22 человека. Солдаты, однако, быстро оправились и огнем рассеяли плохо организованных мятежников, которые обратились в бегство.
- ³⁰ За участие в Андижанском восстании военно-полевому суду было предано 415 человек, из них 18, в том числе и Мадали-ишан, повешены.
- ³¹ Примечание 1900 г. — Общий свод Комиссии по вопросу об устройстве мусульманского духовного управления в Туркестанском крае. С. 4.
- ³² Множественное число от «дивана» (безумный) — синоним понятия «дервиш», то есть нищенствующий аскет-мистик, как правило, член дервишского братства.
- ³³ Имелась в виду почтовая станция, на которой меняли лошадей и могли отдохнуть путники.
- ³⁴ Имелось в виду антирусское движение в Фергане, развернувшееся под лозунгом «джихада». После его подавления царское правительство сочло целесообразным ликвидировать Кокандское ханство и в 1876 г. включило его территорию в состав Российской империи.
- ³⁵ Имелась в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.
- ³⁶ Примечание 1900 г. — Проект всеподданнейшего отчета Генерал-адъютанта К.П.фон Кауфмана... С. 8.
- ³⁷ Выдающийся русский исламовед академик В.В.Бартольд охарактеризовал панисламизм как своего рода «утопию политического объединения всего мусульманского мира в виде одного государства или союза государств... в виде доктрины не столько религиозной, сколько политической, большей частью только как средство для достижения вполне определенных политических целей» // *Бартольд В.В.* Панисламизм (1914 г.) // *Бартольд В.В.* Сочинения. — М., 1966. Т. VI. С. 402.
- ³⁸ Дореволюционное наименование части оседлого, чаще всего городского тюркоязычного населения Средней Азии.
- ³⁹ Имелась в виду светская, европейская снс-

- тема образования. По этому поводу организатор имперской структуры просвещения «инородцев» казанский ориенталист Н.И.Ильминский писал о том, что мусульманская школа «останавливает успехи истинного (т. е. с его точки зрения европейского. — Д.А.) просвещения, воспитывает религиозный и ученый фанатизм и односторонность» // *Арапов Д.Ю.* Н.И.Ильминский и его путешествие на Арабский Восток в начале 50 гг. XIX в. // *Арабские страны Западной Азии и Северной Африки.* — М., 2002. Вып. 5. С. 361.
- ⁴⁰ Имелся в виду основатель ислама пророк Мухаммад.
- ⁴¹ По российскому законодательству браки мусульман с русско-подданными православными и католиками были запрещены; в крайне ограниченном виде (и то скорее в теории) существовала возможность браков с лютеранами. Более подробно см.: *Арапов Д.Ю.* Законодательство Российской империи о мусульманском браке // «Преподавание истории в школе», 2001, № 8.
- ⁴² То есть турецкого султана.
- ⁴³ Имелся в виду египетский султан Салах-аддин (1171—1193), прославившийся успешной организацией борьбы мусульман с крестоносцами.
- ⁴⁴ В тот период времени турецкий престол занимал султан Абдул-Хамид II (1876—1909).
- ⁴⁵ Имелось в виду известные слова Вильгельма II о том, что «пусть султан и триста миллионов мусульман, разбросанных по земле, будут уверены, что германский император во все времена останется их другом» // *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг. // *Тарле Е.В.* Сочинения. — М., 1958. Т. V. С. 136.
- ⁴⁶ Имелась в виду греко-турецкая война 1897 г. из-за острова Крит, в ходе которой турецкая армия, обученная немецкими инструкторами, нанесла грекам ряд тяжелых поражений.
- ⁴⁷ В 1900 г. высшим знаком отличия Турции считался учрежденный в 1895 г. султанский Османский орден — бриллиантовая звезда с белой, обрамленной красно-зеленой каймой лентой // *Спасский И.Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 г. — Л., 1963. С. 98.
- ⁴⁸ Железнодорожная линия, которая должна была соединить Босфор с Персидским заливом и строительством которой правящие круги Германии стремились поставить под свой контроль Османскую империю. Как известно, Витте был решительным противником этого немецкого начинания и считал, что оно в корне противоречит государственным интересам России // *Игнатьев А.В.* С.Ю.Витте — дипломат. — М., 1989. С. 120.
- ⁴⁹ Почетное звание высших гражданских чинов Российской империи. Как статс-секретарь, Витте имел право объявлять словесные царские повеления.
- ⁵⁰ *Шипов Иван Павлович* — тайный советник, в 1897—1902 гг. директор Общей канцелярии министра финансов, в октябре 1905 — апреле 1906 гг. министр финансов Российской империи.

